

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-483-492

УДК 82

АРХЕТИП «ДОМ» В ПРОЗЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА: БИЛИНГВИЗМ КАК СПОСОБ ОБРЕТЕНИЯ «СВОЕГО» МЕСТА В МИРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г. БЕЛЬГЕРА «ТУЮК СУ»)

А.С. Афанасьева

Казахский национальный университет аль-Фараби
пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

В данной работе транслингвизм рассматривается в аспекте художественной практики писателя-полилингва Г. Бельгера. На материале романа «Туюк су» реконструируется полилингвальная языковая личность героя, выступающего автобиоореконструктивной маской самого автора. Автор приходит к выводу, что в результате взаимодействия нескольких языковых систем в пределах единой когнитивной сферы создается более сложный метаобраз мира, влияющий как на этническую идентичность, так и на способы позиционирования личности-в-мире.

Ключевые слова: транслингвизм, Г. Бельгер, русскоязычная литература

1. ВВЕДЕНИЕ

Большую часть своей жизни человек пребывает в стихии языка, потому что «тут-бытие мира есть бытие языковое» (Х.-Г. Гадамер). В то же время сам человек — вместилище языка, среда его обитания, и от того, как организована эта среда (когнитивно, физиологически, ментально), зависит формирование конкретных мыслительных структур (система определенного набора пропозиций) и выбор соответствующих путей их вербализации. Даже при соблюдении условия относительной языковой гомогенности в пределах языковой личности (т.е. ее монолингвальности) человек является «местом встречи» самых различных языковых подсистем — стилей и диалектов, специальных языков и бытового языка и пр. Намного сложнее ситуация разворачивается в условиях дву-, полиязычия, когда языковые контакты «внутри» личности порождают новые языковые реалии, осознать которые современной науке еще только предстоит.

Идеальная практика двуязычия (или, реже, полиязычия) могла бы выглядеть как оперативное переключение с одной языковой системы на другую, при котором «чистота» и целостность обеих оставалась бы абсолютной. Такая практика, однако, неосуществима, и в ситуации попеременного использования языков чаще всего мы наблюдаем интерференцию, т.е. переустройство языковых моделей по образцу иноязычного элемента, в *большой (высшей)* степени организованного *структурно* [4]. Если в процессе языкового контактирования одна языковая си-

стема принимает какую-либо единицу другой языковой системы, это принятие не происходит автоматически. Ему предшествует процесс адаптации к новым «условиям жизни» в иной среде. Характер всех вышеперечисленных процессов можно попытаться объяснить на материале речевой деятельности дву-, полиязычных индивидов. Как справедливо отмечает У.М. Бахтикиреева (а в зарубежной лингвистике — Мартине, Фогг, Вайнрайх и др.), наблюдение за речевым поведением *конкретных* языковых личностей способно предоставить исследователю не меньше фактического материала, чем абстрактное описание квазицелостных этнических языковых сознаний [1].

Объект осмысления в данной статье — личность «российского немца» Герольда Бельгера. Герольд Бельгер — выдающийся казахстанский писатель, переводчик, публицист, общественный деятель, творивший в зоне смежности трех языков — русского, казахского и немецкого. Бельгер происходил из рода поволжских немцев (*Wolgakolonisten, Wolgadeutsche*) — народа, сформировавшегося в России в результате политической деятельности Екатерины II (на основании манифестов императрицы переселенцы из германских государств расселились в Нижнем Поволжье в 1760-е гг.). Судьба поволжских немцев оказалась драматичной: получив в 1917 г. собственную автономию — АССР Немцев Поволжья — в 1941 г. они были депортированы указом Сталина в Казахстан и Сибирь. Это привело к кризису национальной идентичности, упадку языка и культуры, интенсивной ассимиляции с соседствующими этносами и устойчивому (если не сказать — неизбывному) самоощущению «утраты корней», «потерянности в мире», «вечного скитальничества», положения «ни тут, ни там» (А. Шмидт) в отношении целого народа. Произошло перераспределение этнических и социальных статусов, при котором российский немец превратился в «детерриторизированного индивида» (М. Глостанова). Тем не менее, Г. Бельгер — один из немногих «счастливых немцев», которым удалось преодолеть кризис собственного инобытия и найти точку опоры в своем полиязычии. Казахстан писатель определил для себя просто: «Земля моей чести». К подобному определению Бельгер пришел не сразу. Достаточно эскипировать семантику заглавий его произведений, чтобы увидеть траекторию нарастающего авторского самоощущения себя-в-мире, себя-в-доме: «Сосновый дом на краю аула», «Туюк су» («Тупик», «Тихий омут»), «Дом скитальца». В первом случае перед нами выражено ощущение своей периферийности, «окраинности», нахождения за пределами *своего круга*. Усиливает это ощущение словосочетание «Сосновый дом» — дом, построенный из дерева, репрезентующий модель иного жизнеположения и уклада — оседлого, земледельческого. «Дом» как бы вступает в своеобразное противостояние «аулу» — иной культурной модели. Нельзя не обратить внимание и на сингуляритивно-плюральный контраст заглавия: дом единичен (человек, живущий в доме, одинок) — аул — коллективен, многочисленен. Следующее название — «Туюк су», что значит «тихая вода», «заводь», метафорически — «тупик». Этим именем герои романа нарекли свой аул, определив его дальнейшее запустение, упадок, угасание. Симптоматично, что название аула, представляющее тихую, оседлую жизнь, сущностно противоречит самой ментальности казахов, на протяжении сотен лет бывших подвижным коллективом.

Наконец, «Дом скитальца» — роман-итог, рассказывающий о том, как через три поколения героев — чужих, «пришлых» — протагонист наконец становится «своим»: дом ему строят жители всего аула.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Главный герой романа «Туюк су» — этнический немец Эдмунд Ворм, возвратившийся в родной аул Туюк су спустя десять лет. В литературоведении принята установка, что герой выступает проводником идей автора; в некоторых случаях герой выполняет еще одну важную функцию — автобиоореконструктивную. В этом случае основные этапы жизни, сюжетные линии, фоновые знания героя базируются на биографических данных самого автора. Протагонист становится биоореконструктивной «маской» писателя. И хотя между ними нельзя поставить знак равенства, определенная тождественность сохраняется на протяжении всего произведения. Эдмунд Ворм — такая же полиязычная личность, как и автор романа, Г. Бельгер. В Туюк Су герой попал в раннем детстве, когда его родителей объявили врагами народа и депортировали в Казахстан.

Не попал — привезли. Привезли несколько семей немцев — спецпереселенцев с Волги — и расселили по домам, по семьям казахов [3. С. 27].

Аульчане, привыкшие к тому, что аулы в то время превращались в «ноевы ковчег», хорошо приняли трудолюбивых родителей Эдмунда — Карла и Паулину. Сам мальчик оказался на перекрестке нескольких языков и культур. Воспитываемый *дома* на немецком и русском языках, он очень быстро освоил казахский и ...совершенно невообразимым образом стал мешать немецкие, русские, казахские слова, будто так и положено, и удивляясь при этом, когда его, случалось, не понимали.

«Ай-ай, Турсунчик, — обращался он, бывало, к соседскому сверстнику. — Кел, кел сюда, волен вир шпиелен». Турсун сердился, не понимая: «Немене, шпиелен не? Ойнайык па?» — «Іа, іа, кел давай, ойнайык», — подтверждал смысленный пришелец [3. С. 28].

Показательны здесь пометы автора — «будто так и положено», «удивляясь, когда его не понимали». Это — свидетельство естественного сосуществования нескольких языковых моделей в пределах одного сознания, которые не разграничены, но и не смешаны полностью. В данном примере выражена частичная языковая диффузия, когда взаимопроникновение разнородных языковых элементов происходит на уровне синтагматики, пока еще не затрагивая деривацию и морфологию. Однако уже и здесь мы можем наблюдать действие механизма, который У.М. Бахтикиреева обозначила как «трансфер», иными словами, перенос определенных знаков из одной языковой системы в другую в процессе речевой деятельности автора-билингва [2]. Это могут быть как словообразовательные элементы (исследователь приводит примеры из творчества русскоязычных писателей советского и постсоветского пространства), так и целые «импортированные» концепты. В данном случае мы наблюдаем пример трансфертирования лексических единиц из трех языковых систем, выстроенных синтагматически сначала по образцу немецкого, затем — казахского языка.

В романе множество других иллюстраций языкового контактирования, порождающего смежные семиотические пространства. Так, имена родителей Эдмунда — Карл и Паулина — в процессе принятия их аульчанами подвергаются фонетическим изменениям. Карл — немецкое имя, в русскоязычном варианте которого два сонорных (полугласных) звука поставлены в условия тесного соседства, нехарактерного для фонетики казахского языка. Постепенно между согласными появляется дополнительный гласный, облегчающий артикуляцию; ударение смещается с первого (единственного изначально) на второй (приобретенный) слог в соответствии с правилами казахской акцентологии, в результате чего появляется новое имя — *Карыл*. Такая адаптация — знак не только системных внутриязыковых приспособлений, но и идеологического принятия «немца» (этнического чужого) за «своего». То же самое происходит с именем Паулина, которое проходит несколько ступеней модификации: Паулина — Поля — Поляжан — Болажан. Так, немецкий вариант сменяется более привычным русским; к сокращенному русскому имени добавляется компонент сложносоставных казахских имен — «жан» («душа», т.е. ласкательное, любовное отношение к человеку); под влиянием инкорпорированного элемента («жан») фонетически видоизменяется основа имени, в результате чего происходит его полная трансформация. Оба имени являют пример «новообретенных» знаков идентификации героев, когда «чужие» постепенно становятся «своими». Автор отмечает, что

к немцам во всей округе поначалу относились настороженно... Немыс убивает моего коке, а я его должен на почетное место усаживать, чаем потчевать, говорить ему айналайын?! Как бы не так! [3. С. 29].

Постепенно, видя трудолюбие и порядочность «пришлого народа», казахи принимают немцев, проведя для себя их внутреннюю дифференциацию на «наших» и «не наших» немцев:

Они, может, напрасно называют себя немцами... Они, видно, наши, только обиженные, униженные, оскорбленные. А унижать униженного — грех [3. С. 29].

Трагические события разлучают Эдмунда с матерью и отцом: сначала Карла забирают на фронт, затем Паулину призывают на тыловые работы. Мальчика берет на воспитание казашка Хадиша, на год ставшая ему приемной матерью. Паулину, вернувшуюся год спустя, изможденную после болезни, мальчик не узнает. Он не понимает обращенных к нему немецких слов: когда мать протягивает ему и его названной сестренке Асиме леденцы, дети принимаются за гостиницы лишь после пояснения Хадиши: «Кампит» («конфета»). Как видим, ребенок оказался в ситуации, когда контактный язык (казахский) стал для него «вторым родным», временно функционально вытеснив и немецкий, и русский на периферию сознания. Долгий путь воссоединения с матерью — родной, а не приемной, — мальчику помогают пройти два понятия, равноправно существующих в его картине мира: «апа» и «мама».

— Ой, айналайын. Я люблю тебя, но я не твоя мама. Я твоя апа. Апа, понимаешь?
— А разве апа не мама?

— Апа много, а мама одна.

Так и рос мальчик между двумя женщинами. И сверстники завидовали ему: ни у кого из них не было двух мам [3. С. 99].

Эту ситуацию можно дешифровать и фактически, и метафорически (так как мы имеем дело с художественным текстом): во втором случае две матери символически уподоблены двум родинам, двум культурам, двум языкам, утраченным, обретенным, навсегда взаимосвязанным в жизни маленького Эди.

Языковая интерференция может проявляться не только в трансфертировании и взаимном приспособлении различных языковых моделей. Иногда она затрагивает план содержания, сохраняя при этом план выражения, т.е. слово, сохранившее фонетическую оболочку одного языка, обретает семантику другого. Когда Эдмунд обращается к Асимае «сестренка моя», лексема *сестренка* вбирает в себя значение казахского слова *карындасым* («младшая сестра», «любимая младшая сестра»). В русском языке слово *сестренка* представляет собой модель словообразовательной модификации, т.е. возникновения добавочного (уменьшительно-ласкательного) компонента при сохранении прежней семантики. Так, *сестренкой* можно ласково назвать и старшую, и младшую сестру. В казахском языке существуют специальные обозначения для младших и старших членов семьи, в том числе сестер. При длительном контакте языков (русского и казахского) слово *сестренка* у жителей Казахстана ассоциируется с младшей сестрой, т.е. у него появилось новое значение (а не добавочный компонент, как в случае с русским словом *сестренка*). Обращаясь к Асимае «сестренка», Эдмунд наполняет его значением «карындасым» («моя младшая сестра»), что многократно подтверждает контекст. Иногда автор дает оба вокатива последовательно; иногда для расширения внутреннего значения слова приводится дополнительный контекст:

«Присматривал за Асимой, и та слушалась его больше, чем мать», «Карындасым, сестренка моя!» [3. С. 137].

Хотя Бельгер (как и некоторые другие, например Е. Зейферт) причислял себя к «счастливым немцам», линия его героя Эдмунда совпадает с линией большинства «потерянных» русландойче. Отправившись на этническую родину, землю предков, они так и остались «внутренними чужими». «Родина» стала для них «Notwohnung» — временным обиталищем, «промежуточной землей», «транзитной зоной». Если в Казахстане русский и казахский языки выступали для героя своеобразным коммуникативным мостом, способом освоения «дома», то на родине обретенной эти же языки стали коммуникативным барьером:

После трех-четырех «лезунгов» у Эдмунда Ворма напрочь отпало желание в них участвовать. Он чувствовал себя среди этих амбициозных сочинителей «белой вороной». Он отмежевался от них, ушел в себя... Писал он по-русски, так ему было сподручнее. Писал о российских немцах, писал, как умел, как понимал, как чувствовал, излагая свою неизбывную, невытравляемую боль и обиду давних лет... Здесь же, в Германии, он был сыт, ухожен, обрел работу, уверенность и надежность, вошел в размеренное течение жизни, в монотонное русло, но был не нужен, никому не нужен, чужак, сам по себе... [3. С. 115].

И даже сами российские немцы, этнически «разбитые», распределенные по разным территориям, разным культурам, стали друг для друга «чужими» в пределах собственного субэтноса:

Географические особенности огромного Советского Союза неизгладимо отпечатывались даже на внешности так называемых российских немцев... Сибирские немцы сразу бросались в глаза своей агрессивностью, резкостью, бесшабашностью и кондовым русским языком, местными речениями. Немцы из Казахстана вели себя очень корректно, толерантно, отличались общительностью, спаянностью, покладистостью. Немцев из Туркмении невозможно было отличить от самих туркмен. Немцы с Поволжья глядели на своих туркменских собратьев, как, должно быть, европейские евреи на своих африканских единокровников... Совсем уж чужаками воспринимались немцы из Дальнего Востока, Сахалина, Якутии, Тувы. Станным казалось, что они в тех краях есть. И уж ни на кого не были похожи немцы из Петербурга и Балтики. Они были чопорны, галантны, вежливы, держались особняком и почти не говорили по-немецки, а если и говорили, то не так, как другие, на диалектах, а выражались по-книжному, правильно, на «хох-дойч» и никогда не позволяли себе срываться на крик, свист, ор, топот [3. С. 117].

Герой романа не раз мысленно возвращается к родному аулу, в котором был по-своему счастлив. В тесном соседстве с множеством других этносов он ощущал себя в большей степени «своим», чем на «родине предков». Знаменательно, что Германия в тексте имеет эту константную характеристику — «родина предков», «родина отцов», но лишена при этом сочетаний с притяжательными местоимениями («моя», «его», «наша» родина). Еще одна устойчивая конструкция — «Там, в Германии». Указательное местоименное наречие второй степени отдаленности свидетельствует об отстраненном отношении героя к вновь обретенной «родине». Возможно, идентификация себя как «своего» в Туяук су для героя была обусловлена тем, что аул стал *этническим общежитием* для многих национальностей. В условиях, когда все в большей или меньшей степени субалтерны, никто не субалтерн *полностью*.

Кто только не обитал в этом ауле! Уж больно удачно расположился он на перекрестке древних дорог, в зеленой долине меж бурых, крутобоких холмов, неподалеку от водохранилища, заполнявшегося весной талой и паводковой водой... Край солнечный, земля — благодать [3. С. 12].

Автор перечисляет жителей «странноприимного дома», среди которых казахи, русские, сарты, таранчи, татары, корейцы, немцы, чеченцы, ингуши, курды, карачаевцы, турки, кумыки, крымские татары, поляки. Представители каждого из переселенных этносов по-разному относятся к «навязанному» дому. Гордые поляки Войцеховские отказываются дать имя своему новорожденному ребенку в пределах земли, где они стали «рабами», «ибо только на Родине человек может быть человеком». Своенравные чеченцы, лишенные гор, не могут жить в мире и ладу с соседями, но даже они по возвращении на Родину испытывают благодарность к краю, некогда их приютившему. Бельгер показывает это отношение на

примере Махмуда Арсланова, мальчишкой кравшего кур у «апашек» и вернувшегося годы спустя, чтобы отдать дань благодарности аулу, где он рос.

Да, кого только не знавала эта древняя земля на развилке дорог! Одни обосновались здесь надолго, пустили корни, породнились и перемешались. Для других этот край стал лишь временным обиталищем [3. С. 18].

Туюк су может быть дешифрован как архетип «дом», но дифференциальные семы этого архетипа будут весьма своеобразны. «Дом служит связующим звеном в общей картине мира: с одной стороны, принадлежит человеку, с другой, связывает человека с внешним миром. Это как бы внешний мир, уменьшенный до размеров человека, т.е. здесь реализована триада: дом — человек — мир» [5. С. 90]. Туюк су — не просто *дом*, это, скорее, *общезитие* (отсюда семы «всеобщий» и «ничей»).

Последняя граница «вокруг человека» — граница его родины. «Родной дом — это первая вселенная человека, объединяющая его воспоминания, мысли, мечты и тем самым организующая связь времен. Дом — это еще и убежище, последняя опора в жизни» [5. С. 263]. Вот почему серьезной антропологической проблемой становится осмысление архетипической пары «дом — бездомье».

Архетип «дом» — это регулятивный концепт, напрямую влияющий на поведение человека. Скрипты в отношении указанного архетипа достаточно разнообразны («Дом необходимо защищать», «В дом принято возвращаться» и др.). Они могут быть связаны как со *своим кругом*, так и с личностной самоидентификацией. Его проявление может быть как экспансивным (когда *дом* приравнивается к *миру*), так и «сжатым» (*дом = человек*). *Дом* может иметь разнообразную «внешнюю морфологию» (квартира, «хрущовка», коммуналка, дом, усадьба, флигель и пр.). Человек же по отношению к *дому* выступает либо устройтеlem, либо разрушителем.

В качестве онтологической оппозиции *дому* выступает *бездомье*, которое Е.В. Шутова дифференцирует на социальное и духовно-культурное.

По мнению исследователя, социальное «бездомье» выражено как «безродность в отечестве и неукорененность в социальном мире» [6. С. 85]. С бездомьем связана идея человеческого небытия.

Е.В. Шутова выделяет шесть гносеологических подходов к осмыслению архетипической пары «дом — бездомье»:

— натуралистический, когда *домом* для человека становится целый космос, мир, природа вокруг него (Гераклит, Демокрит, Дж. Бруно, Спиноза, П. Гольбах, Л. Фейербах, В.И. Вернадский);

— теологический, рассматривающий в качестве *дома* Царство Божие, а в качестве *бездомья* — земную жизнь человека (Св. Августин, русские историософы);

— социологический, в соответствии с которым ДОМ — это общество (К. Маркс, М. Фуко);

— антропологический, признающий *домом* духовный мир индивидуума и его экзистенциальную субъективность (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Шелер);

— коммуникативный, провозглашающий *домом* со-бытие Я и Другого, т.е. мир человеческих отношений (М. Бахтин, М. Бубер, К. Ясперс и др.);

— культурологический, в рамках которого *дом* — это язык (Х. Гадамер, Ж. Деррида, М. Хайдеггер) [6. С. 85—89].

Бездомье — это не только утрата человеком дома как организующего центра жизни, но и всякий выход за порог, путешествие, поиск, скитание вплоть до возвращения либо обретения нового дома.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Билингвизм (полилингвизм), а также транслингвизм способны выступить в качестве стратегии *освоения* в новом пространстве, т.е. *стратегией обретения дома*. На примере сюжетной линии Эдмунда Ворма (как и многих других жителей Туюксу) можно сделать вывод о том, что билингвизм (или, в некоторых случаях, многоязычие) — феномен выживания, социальной адаптации, благодаря которому происходит формирование более сложных семиотических пространств. В то же время билингвизм способен стать «меткой» чуждости для монолингвов (например, германских немцев), интенсифицируя ощущение *бездомья в мире* российских немцев.

Где его Родина, уроженца России, жителя Казахстана, гражданина Германии — Эдмунда Ворма?

Россия его изгнала, отторгла, разом перечеркнув судьбу предков, навсегда оставив зарубку в сердце.

Казахстан приютил на долгие десятилетия, взрастил, вспоил, принял в свои объятия. Здесь он познал и себя, и людей, и жизнь, и печаль, и радость, обрел достоинство и веру.

Германия его приняла, впустила, милостиво, с состраданием, как далекого потомка немецкого предка, отправившегося в лихолетье в Руссланд на поиски счастья.

Потомок вернулся — круг замкнулся.

Но ему, Эдмунду Ворму, Германия родиной не стала.

Она стала ему местом постоянного жительства.

Родиной она станет его внукам. Возможно.

Так кто же он, спецпереселенец, потом — поздний возвращенец Эдмунд Ворм?

Человек без родины?

Скиталец с нескладной судьбой?

Где тот уголок земли, где утешится и утишится его душа?

Нет ответа... [3. С. 245].

И все же творчество российских немцев убедительно доказывает, что на протяжении многих десятилетий происходит формирование особой семиосферы, в том числе и языковой; что у этого этноса своя историческая судьба и собственное место в онтологии человечества; что билингвизм, проявляющийся в творческом процессе через *транслингвизм*, способствует организации языковых систем более сложных, чем «чистые», контактно ограниченные языки.

© Афанасьева А.С., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтикиреева У.М.* О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 76–80.
2. *Бахтикиреева У.М.* Трансфер. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ba12-pr.html> (дата обращения: 03.11.2016).
3. *Бельгер Г.* Туюк су: роман. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 246 с.
4. Вайнрах У. Языковые контакты / пер. с англ. Ю.А. Жлуктенко. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
5. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2016. 296 с.
6. *Шутова Е.В.* Дом и бездомье человека: терминальный статус и формы бытия в культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Социальные технологии. 2000. № 1 (13). С. 85–89.

История статьи:

Поступила в редакцию: 27.03.2017

Принята к публикации: 26.06.2017

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Афанасьева А.С. Архетип «дом» в прозе русскоязычных писателей Казахстана: билингвизм как способ обретения «своего» места в мире (на материале романа Г. Бельгера «Туюк су» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 3. С. 483–492. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-483-492

Сведения об авторе:

Афанасьева Алена Сергеевна — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы КазНУ им. аль-Фараби. E-mail: alenchika@mail.ru

ARCHETYPE “HOME” IN THE PROSE OF RUSSIAN-LANGUAGE WRITERS OF KAZAKHSTAN: BILINGUISM AS A WAY OF REALISING PERSON’S “PLACE IN THE WORLD” (ON THE MATERIAL OF “TUYUK SU” BY G. BELGER)

A.S. Afanasyeva

Kazakh National University of al-Farabi
al-Farabi str., 71, Almaty, Kazakhstan, 050040

In this paper, translingualism is considered in the aspect of literary practice of polylingual writer G. Belger. On the material of the novel “Tuyuk su”, the polylinguistic language personality of the hero is reconstructed. In our point of view, it acts as an autobioreconstructive mask of the author himself.

We come to the conclusion that as a result of interaction of several language systems within a single cognitive sphere, a more complex picture of the world is created. Both ethnic identity and the ways of person's positioning in-the-world are determined by this fact.

Key words: translanguaging, G. Belger, Russian-language literature

REFERENCES

1. Bakhtikireyeva U.M. *O translingvizme i transkulturratsii cherez prizmu odnoy yazykovoy biografii* [On translanguaging and transculturation through the prism of language biography]. *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki na Dalnem Vostoke*. 2016. No. 2 (50). S. 76—80.
2. Bakhtikireyeva U.M. *Transfer* [Transfer]. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ba12-pr.html> (Date 04.11.2016).
3. Belger G. *Tuyuk Su: roman* [Tuyuk Su: novel]. Almaty: Dayk-Press. 2004. 246 s.
4. Vaynraikh U. *Yazykovyye kontakty* [Languages in Contact]. Per. s ang. Yu.A. Zhluktenko. Kiyev: Vishcha shkola, 1979. 263 s.
5. Maslova V.A. *Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction into Cognitive Linguistics]. M.: Flinta: Nauka. 2016. 296 s.
6. Shutova E.V. *Dom i bezdomye cheloveka: terminalnyy status i formy bytiya v culture* [Home and Homelessness in Culture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Sotsialnyye tekhnologii*. 2000. № 1 (13). S. 85—89.

Article history:

Received: 27.03.2017

Accepted: 26.06.2017

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Afanasyeva A. (2017) Archetype “Home” in the prose of Russian-language writers of Kazakhstan: bilingualism as a way of realizing person's “place in the world” (on the material of “Tuyk Su” by H. Belger). *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (3), 483—492. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-483-492

Bio Note:

Afanasyeva Alena Sergeevna is a doctoral student of the Department of Russian Philology and World Literature of KazNU named after al-Farabi. E-mail: alenchika@mail.ru